

УДК 94(470.57)“1941/1945”

Н. В. Ахмадиева

Крестьянство и власть: история взаимоотношений (на материалах Башкирской АССР, 1941—1945 гг.)

Статья посвящена проблеме взаимоотношений крестьянства и власти в Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются процессы формирования антиобщественных, антиколхозных настроений в среде крестьянства, реакция на них со стороны властей, показана роль государственных и партийно-хозяйственных органов в решении материально-бытовых проблем колхозников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, колхозное крестьянство, антиобщественные настроения, социальный протест.

Колхозное крестьянство никогда не было монолитным социальным слоем, полностью разделявшим интересы Советского государства. Определенная часть людей являлась противниками режима, их антигосударственная деятельность принимала как активные, так и пассивные формы. Всплеск антисоветских, антиколхозных настроений в крестьянской среде усугублялся жестким давлением, которое оказывала на людей тоталитарная система в годы войны, что было неизбежно в условиях сложнейшей социально-экономической и общественно-политической обстановки.

В начале войны в стране сформировалась и сложная социально-психологическая обстановка, вызванная дефицитом информации о реальной ситуации во фронтовой зоне. По сводкам Прокуратуры Союза ССР, распространявшиеся в военное время ложные слухи носили «самый разнообразный характер». Большая часть их касалась положения на фронтах, экономической ситуации в стране, отношения немцев к пленным и мирному населению. В целях борьбы с распространением слухов, пораженческих и антиправительственных настроений принимались меры со стороны государственных и правоохранительных органов. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» для их пресечения были приняты решительные меры. На 1 ноября 1941 г. военными трибуналами было осуждено за преступления, предусмотренные этим Указом, 1423 человека, в том числе 910 человек в местностях, объявленных на военном положении, и 513 — в местностях, где военное положение не объявлялось [5, л. 4—5].

В Башкирии события, связанные с войной, также породили массу слухов среди населения. К сожалению, их содержание не прослеживается в материалах архивов. Однако в июле 1941 г. на открытом партсобрании Аскинского районного партийного и сельского актива говорилось о том, что слухи о войне народ в районе распространяет «самые нелепые и с этим нужно бороться». Попытались прояснить ситуацию и сами руководители района, обсуждая выступление Сталина, прозвучавшее по радио 3 июля 1941 г. У населения возникали вполне резонные вопросы: «Почему война с фашистской Германией названа Отечественной войной?» и «Были ли войска на границе с Германией кроме пограничной охраны?» [18, л. 84—84 об.]. Примечательно, что в Аскинском районе точно подметили появление патриотического термина «Отечественная война» в общественной риторике. Добавим, что именно мобилизация гражданских масс способствовала формированию патриотического сознания общества. (Существует мнение, что понятие «Великая Отечественная война» было некой пропагандистской конструкцией, которая должна была

скрыть соучастие Советского Союза в гитлеровских завоевательных кампаниях до июня 1941 г. и изъять Советский Союз из контекста Второй мировой войны, преподнести себя невинной жертвой [8, с. 29].)

Политическая обстановка в деревне на начальном этапе войны была тревожной. Много людей пострадало в процессе коллективизации, раскулачивания, репрессий. В большей степени в их среде возникали провокационные слухи, велась антисоветская деятельность.

На пленуме Давлекановского райкома ВКП(б) в ноябре 1941 г. в докладе, посвященном задачам районной партийной организации на ближайшее время, также говорилось о необходимости борьбы с провокационными слухами, паникой. В докладе отмечалось, что военное время потребовало соблюдения «строжайшего революционного порядка в тылу. Строгое соблюдение выполнения распоряжения военных властей и местных советов, дисциплинированность всего населения... Там, где строго придерживаются правил прописки населения, не укрыться темной личности, не спрятаться шпиону и диверсанту». Обстановка в районе обострилась, отдельные группы бывшего кулачества, «темные личности» проводили подрывную работу. Так, в поселке Давлеканово группа кулаков во главе с Егоровым вели антисоветскую агитацию, распространяли клеветнические слухи, высказывали диверсионные намерения. Секретарь комсомольской организации школы в Давлекановском зерносовхозе Бахер, бывшая дочерью арестованного в 1937 г. за контрреволюционную деятельность кулака, восхваляла гитлеровскую армию, высказывала неверие в победу, «безобразнейшим образом клеветала на Красную Армию». Кулаки Мулявка и Митькин занимались контрреволюционной деятельностью, за что были расстреляны. В колхозе им. Калинина бывшие кулаки Поляков и Фадеев похитили 120 пудов хлеба. На станции Давлеканово был задержан подозрительный сержант танковых войск, вооруженный револьвером и кинжалом, при задержании пытался оказать сопротивление, личность его устанавливалась [9, л. 63].

В тыловой Башкирии не было отмечено активных диверсий и массовых открытых протестов против режима, однако это не уберегло население от провокаций со стороны органов госбезопасности. Самым громким, пожалуй, стало сфальсифицированное местными органами госбезопасности дело о так называемых «горных шакалах» и «хитрых», «о центре повстанчества» в горно-лесных районах Башкирии, где проживали в основном башкиры. Проверка Центра выявила полную несостоятельность этого дела, но имелись невинные жертвы среди населения [4, с. 38]. Таким образом, органы госбезопасности пытались раздуть в республике дело о наличии в горно-лесных районах (где преобладало башкирское население) антисоветских повстанческих организаций. К счастью, это полностью сфальсифицированное дело не выдержало серьезной проверки. Трагическим последствием данной провокации карательных органов стала гибель невинных людей, жертв могло быть и больше, если бы дело получило широкий ход.

В Башкирии антисоветски настроенная часть крестьянства не стремилась к свержению существующего режима. Их неприятие власти принимало в основном пассивные формы и было вызвано тяжелым экономическим положением, социальной несправедливостью. Колхозники были против фактического бесправия — изъятия производимой продукции, мизерной оплаты труда в артелях, что приводило к уклонению от работы, расхищению колхозной продукции, возникновению слухов о роспуске колхозов.

Антигосударственные настроения в башкирской деревне наблюдались и в предвоенное время. При этом инициаторами их возникновения могли быть и руководители колхозов, недовольные режимом. Фактически их действия не заходили дальше антисоветских высказываний и экономического развала хозяйств. Так, в 1940 г. в колхозе «Алга»

Кармаскалинского района председатель колхоза систематически пьянствовал, колхозом не руководил, в пьяном виде заявлял колхозникам, что «ему надоела советская власть». Он же ранее развалил колхоз «Урал», где работал парторгом. В колхозе «Луч» того же района председателем колхоза был сын кулака, антисоветски настроенный, сорвал план хлебосдачи. Материалы на него передали в нарсуд. В колхозе «Вновь» колхоз возглавлял бывший белогвардейский офицер. Сорвал хлебопоставки, сгноил около 70 ц зерна, после этого райком запросил санкцию у обкома ВКП(б) о его снятии. В колхозе им. Гафури председатель, бывший белогвардеец, развалил хозяйство. По причине бездействия райкома партии сами колхозники на общем собрании членов артели, без решения районного руководства сняли его с должности [10, л. 289]. В глазах рядовых колхозников председатели колхозов не выглядели жертвами системы, не вызывали особого сочувствия.

Как и в целом по стране, в годы войны в колхозах республики увеличилось число нарушений Устава сельхозартели руководителями колхозов, что также провоцировало негативную реакцию рядовых членов артели. В колхозах «Комсомолец» и «Красный партизан» Миякинского района, «Маяк» Бижбулякского и «Дема» Чишминского районов выработанные колхозниками трудодни бригадиры с января 1942 г. записывали не в трудовые, а в записные книжки, на клочках бумаги. В колхозе имени Мичурина Иглинского района в полеводческих и животноводческих бригадах работали только старики и подростки. В то же время в управленческо-обслуживающем аппарате из 38 человек насчитывалось более 30 трудоспособных мужчин. В 3-й бригаде этого же колхоза 11 лошадей обслуживали 3 конюха. Неправильная расстановка сил во многих колхозах создавала искусственную нехватку трудоспособных колхозников для работы в поле и на фермах, в то время как на обслуживающих должностях с более высокой оплатой находилось много колхозников. Председатели этих колхозов расходовали трудодни на содержание раздутых штатов [11, л. 10]. Необоснованное увеличение административно-управленческих штатов колхозов получило в годы войны широкое распространение. Недобросовестные люди отсиживались в конторах, получали более высокие доходы от колхозного производства, чем сами колхозники, занимались приписками трудодней, расхищали колхозную продукцию и т.д. Были председатели колхозов, занимавшиеся пьянством, бытовым разложением, развалом колхозных хозяйств [14, л. 261]. Все это провоцировало социальную напряженность в деревне.

Еще одна проблема, с которой столкнулось государство в годы войны, — это социальный протест рядовых колхозников и руководителей сельхозартелей, выразившийся в хищении общественной собственности и уклонении от трудовых повинностей. Основной причиной этого протеста являлось исключительно тяжелое материально-бытовое положение колхозной деревни. Председатели колхозов зачастую сами саботировали хлебозаготовки, способствовали расхищению зерна, раздавали его населению без учета выработанных трудодней. Данные тенденции усилились в последние годы войны, когда многие колхозники голодали.

В 1944 г. в колхозах «Нагадак» Аургазинского района, «Заря» Чишминского района, «Красный Октябрь» Татышлинского района председатели колхозов, вместо того чтобы повести решительную борьбу с фактами хищения колхозного хлеба, сами организовали его разбазаривание и расхищение путем скрытия от учета и уничтожения учетных документов и т.п. Эти факты не были единичными [15, л. 30—31].

В целом в 1944 г. в период уборки урожая в республике наблюдались большие потери зерна, хищение и припрятывание хлеба, падение трудовой дисциплины, пренебрежение к решениям сельского актива. В колхозе им. К. Маркса Покровского района трудовая дисциплина настолько ухудшилась, что многие колхозники перестали выходить на про-

изводство. Прибывший в колхоз секретарь райкома по кадрам вместе с руководителями колхоза пытались собрать колхозников, но те не явились на собрание. Чтобы выйти из затруднительного положения, колхозникам объявили, что их вызывает милиционер, однако не помогло и это. Секретарь райкома уехал ни с чем [15, л. 33].

Практика хищения колхозной продукции, в частности зерна, усилилась после окончания войны в связи с ухудшением положения колхозно-крестьянского сектора. Осенью 1945 г. в Буреевском районе хищения в колхозах стали массовым явлением. За период уборки хлеба, по далеко не полным данным, было выявлено 53 таких случая. По этим делам осудили 75 человек. В колхозе «Красная Горка» при участии члена правления колхоза шестеро колхозников похитили 1000 кг зерна [16, л. 220].

При этом сельское население пыталось наладить контакт с властями, объяснить им реальную обстановку в деревне, раскрыть произвол местной администрации, чинимый в отношении крестьянства. Поэтому огромное количество жалоб от населения шло в адрес руководства республики на «противозаконные действия» районных руководителей, председателей колхозов. Иногда это помогало разрешить сложную ситуацию. Так, в апреле 1942 г. приехавший на побывку домой в деревню военнообязанный В. Е. Кононов отправил на имя первого секретаря Башобкома письмо, в котором сообщал о фактах нарушения колхозной демократии и незаконных действий председателя колхоза «Сталь» Преображенского сельсовета Стерлитамакского района Г. А. Напалкова. «Колхоз к севу не готов, нет семян, не отремонтирован сельхозинвентарь, лошади не ходят. Колхозникам хлеба нет, которые заработали на трудодни, просят хлеба, он отвечает вот вам хлеб нецензурными словами. Райком и райисполком это не проверяют как идет работа... а он разбазарил продукты... Прошу принять меры к таким руководителям»¹. Стерлитамакский райком после проверки снял Напалкова с должности председателя колхоза «Сталь» за провал весенне-посевной кампании и незаконную выдачу муки [12, л. 176—177].

Следует отметить, что в крестьянском менталитете власть не была однородной. В письмах, жалобах, заявлениях крестьян явно прослеживается различное отношение к сельским, районным, областным и центральным властям, как партийным, так и советским. Московский уровень власти виделся крестьянам последней инстанцией. Безграничное доверие к властям отчасти переносилось и на областной уровень власти, рассматриваемый сельским населением в качестве непосредственного проводника политической линии высших структур. Иное отношение у жителей села было к местному уровню власти. Зачастую именно он выступал в крестьянском сознании в роли непосредственного угнетателя, деспотичного и неограниченного правителя, которого должна покарать «справедливая московская десница» [3, с. 164].

Действительно, местные руководители в сознании крестьянства выступали основными притеснителями, злоупотреблявшими данной им властью. Не случайно в адрес высшего руководства поступало множество анонимных писем, заявлений и жалоб с просьбой разрешить тяжелую ситуацию. Так, весной 1945 г. Башобком ВКП(б) докладывал Секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову о фактах злоупотреблений руководящими работниками Дюртюлинского и Кююргазинского районов. В частности, в колхозах Дюртюлинского района имелись факты растраниживания сельхозпродуктов, самоснабжения за счет артелей, спекуляции продуктами, наблюдались случаи аморального и антиобщественного поведения некоторых руководителей. Проверкой Башобкома на местах эти факты из анонимного донесения подтвердились, к нарушителям были применены соответствующие меры наказания [7, л. 53—59].

¹ Сохранена грамматика и пунктуация оригинала.

Отчетливо прослеживается бедственное положение крестьянства по письмам, отправленным на фронт мужьям, сыновьям и дочерям в надежде с их помощью добиться справедливости. Письма семей военнослужащих рассматривались командным составом и отписывались в военные отделы районов, в райкомы ВКП(б) с просьбой или требованием исправить ситуацию. В этих случаях местные партийно-хозяйственные органы принимали более действенные меры по улучшению положения колхозников.

Так, начальник военной части по политработе старший лейтенант Шувалов в сентябре 1943 г. писал на имя секретаря обкома ВКП(б) о тяжелом положении семьи военнослужащего из Аскинского района Г. А. Кузьмина. Из писем жены фронтовика стало известно, что его семья питалась суррогатами, клеверной шишкой и корой. Местные руководители не оказывали помощи. После обращения Шувалова в обком были предприняты определенные меры, помощь семье фронтовика была оказана [19, л. 116—116 об.].

Случаи различных злоупотреблений и формального отношения руководящих органов к насущным проблемам колхозников, семей фронтовиков были нередкими. Так, например, руководители Матраевского района не только не заботились о семьях фронтовиков, но и фонды продуктов и промтоваров, отпущенных им, распределяли среди партактива. Из полученных районом в 1944 г. 148 предметов американских подарков — 40 предметов забрали руководящие работники района. Аналогичные факты имели место в Бураевском, Караидельском и Байкибашевском районах [15, л. 14]. В Аскинском районе 10 семьям военнослужащих было отказано в выплате пособий. Отделами гособеспечения и бытового обслуживания района было переплачено пособий на сумму 34 тыс. руб., недоплачено на сумму 24 тыс. руб. Аналогичные «извращения» были допущены и в Балтачевском, Ермекеевском, Кармаскалинском и других районах. В итоге в 1943 г. с февраля по июнь в отдел гособеспечения при СНК БАССР поступило 426 заявлений и жалоб по вопросам назначения пособий и пенсий, льгот и налогов, материально-бытовых нужд [6, л. 51—52].

Превышение властных полномочий, злоупотребление ими местными руководителями на селе становилось масштабным явлением. Только за период с 15 февраля по 15 марта 1944 г. органами НКГБ Башкирской АССР было зафиксировано 6987 сообщений о неполадках в колхозах республики. Люди жаловались на произвол местных властей, на случаи их пьянства, несправедливого распределения колхозной продукции, на факты бесхозяйственности [2, с. 133—134].

Кризис колхозной системы спровоцировал рост антиколхозных настроений к концу войны. В феврале 1943 г. оргинструкторский отдел Дуванского райкома БАССР сообщал обкому ВКП(б), что наиболее часто задаваемые вопросы касались этой темы. Население спрашивало: «Правда ли, что при заключении договора наши союзники Англия и Америка ставили перед нашим правительством три вопроса: а) открыть церкви, б) ввести погоны в РККА, в) распустить колхозы?» [13, л. 35—35 об.]. Партийные и советские работники Уфимского района, выступая в 1944 г. с политическими докладами перед сельским населением, также часто сталкивались с вопросами: «Останутся ли после войны колхозы?», «Верно ли, что Америка и Великобритания требуют роспуска колхозов и открытия церквей и если это не выполнится, то Америка лишает нас помощи в войне против Германии?» и «Почему государство не отпускает хлеб колхозникам?» и др. [17, л. 208, 212]. В колхозе «Смычка» Уфимского района некие личности вели агитацию против колхозного строя. В деревне Калиево Калтасинского района распространили слух о том, что после войны колхозы будут распущены, а земля будет роздана крестьянам. Причем колхозный актив не разъяснил колхозникам «всю вздорность этой болтовни». В колхозах Иликовского сельсовета Покровского района ходили слухи, что Англия и Америка вступили в союз с СССР при условии, что правительство обещает отказаться от

коллективной формы хозяйства, и т.д. [15, л. 34—35]. Примечательно, что сомнения в целесообразности существования колхозной системы получили широкое распространение лишь после коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, когда становился все более очевидным ее благоприятный исход.

Руководство страны пыталось разобраться в причинах возникновения этих настроений, считая, что они подрывают устои советской системы. Кроме того, демобилизованные домой фронтовики, оценившие высокий уровень жизни людей в Западной Европе, могли усугубить напряженную обстановку. Власти этого допустить не могли. Поэтому на XIX пленуме обкома ВКП(б) в июне 1945 г. говорилось о том, что партийная пропаганда должна обратить особое внимание на борьбу против восхваления буржуазного образа жизни, буржуазной культуры. На пленуме отмечалась необходимость проведения соответствующей работы среди крестьянства, пропаганды преимуществ Советской страны, культуры, колхозного строя [1, с. 154].

Взаимоотношения власти и крестьянского населения в годы войны были крайне противоречивыми. С одной стороны, государство проводило некую патерналистскую политику в отношении крестьянства, старалось по мере возможности заботиться о нем, с другой — всегда держало над ним карающий меч сталинского правосудия. Крестьянство, в свою очередь, пыталось уклониться от системы тотального контроля и принуждения, но в случае неразрешимой ситуации все же было вынуждено обращаться за помощью к властям.

Список использованных источников и литературы

1. Ахмадиева Н. В. Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945—1965 годы. Уфа : Гилем, 2008. 176 с.
2. Аюпов Р. С. Республика Башкортостан в годы Великой Отечественной войны. Уфа : Башк. ун-т, 1994.
3. Безнин М. А., Димони Т. М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы междунар. конф. М., 1996. С. 156—167.
4. Блинова В. В. Пресечение антисоветской агитации, пропаганды и негативных слухов на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2007. № 3. С. 32—39.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 157.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 44.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 96.
8. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М. : РОССПЭН, 2007. 806 с.
9. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАООРБ). Ф. 122. Оп. 21. Д. 176.
10. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 404.
11. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 124.
12. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 22. Д. 13.
13. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 190.
14. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 251.
15. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 88.
16. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 680.
17. ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 353.
18. ЦАООРБ. Ф. 616. Оп. 1. Д. 248.
19. ЦАООРБ. Ф. 616. Оп. 1. Д. 364.

Поступила в редакцию 17.06.2015 г.

Ахмадиева Наркас Вафиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
Российская Федерация, 450054, Республика Башкортостан, г. Уфа, пр-т Октября, 71
E-mail: ahmadieva72@mail.ru

UDC 94(470.57)“1941/1945”

N. V. Ahmadieva

**Peasantry and power: history of the relationship
(on the material of Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, 1941—1945)**

The article is devoted to relations of the peasantry and the authorities in the Bashkir ASSR during the great Patriotic war. It focuses on the formation of antisocial, antikolkhoz sentiments among the peasantry, the reaction to them by the authorities; the role of the state and party and economic organs in the solution of everyday problems of the farmers.

Key words: The great Patriotic war, collective farm (kolkhoz) peasantry, anti-social sentiment, social protest.

Ahmadieva Narkas Vafievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
Bashkortostan Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, RAS
Russian Federation, 450054, Ufa, October Prospect, 71
E-mail: ahmadieva72@mail.ru